

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1914—1917 гг.)

Антон Синковец

На основе анализа переписки российских дипломатов периода Первой мировой войны в статье рассматривается положение Ставки Верховного главнокомандующего во время ее расположения в Барановичах (1914—1915 гг.) и Могилеве (1915—1917 гг.). Раскрывается специфика деятельности дипломатической канцелярии данного органа военного управления. Кроме того, выявляется позиция Ставки Верховного главнокомандующего по основным внешнеполитическим вопросам (польскому, болгарскому, румынскому, итальянскому и др.), раскрывается сущность взаимоотношений российского военного командования с Сербией и другими союзниками по Антанте. Формулируются выводы относительно кадрового состава дипломатической канцелярии, степени ее осведомленности о происходивших в Ставке событиях, роли в координации внешнеполитической деятельности с Министерством иностранных дел.

Ключевые слова: Барановичи; дипломатическая канцелярия; дипломатическая переписка; Могилев; Ставка Верховного Главнокомандующего.

«The Supreme Commander-in-Chief's Headquarters through the Eyes of Russian Diplomats (1914—1917)» (Anton Sinkavets)

Based on an analysis of the correspondence of Russian diplomats during the First World War, this article examines the status of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters while it was located in Baranovichi (1914—1915) and Mogilev (1915—1917). The article elucidates the specific functions of the diplomatic chancery within this military administration body. Furthermore, it delineates the stance of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters on key foreign policy issues (the Polish, Bulgarian, Romanian, Italian questions, and the issue of the straits), and reveals the nature of the relationships between the Russian military command and Serbia, as well as other Entente allies. Conclusions are formulated regarding the personnel composition of the diplomatic chancery, its awareness of events occurring within the Headquarters, and its role in coordinating foreign policy activities with the Ministry of Foreign Affairs.

Keywords: Baranovichi; diplomatic chancery; diplomatic correspondence; Mogilev; Supreme Commander-in-Chief's Headquarters.

В годы Первой мировой войны общее руководство всеми вооруженными силами Российской империи было возложено на Верховного главнокомандующего. Для обеспечения его деятельности формировался специальный штаб, известный в русскоязычной историографии как Ставка Верховного главнокомандующего (далее — Ставка, СВГ, главная квартира). В структуру СВГ, помимо военных управлений и отделов, входил ряд гражданских подразделений. Среди них особое место занимала дипломатическая канцелярия.

Изначально формировать это подразделение не планировалось. Наспех утвержденное летом 1914 г. Положение о полевом управлении войск в военное время предусматривало, что в Ставке будет учреждена обособленная должность дипломатического чиновника, ко-

торый займется осуществлением переписки с иностранными правительствами, министром иностранных дел, российскими посольствами, миссиями и консульствами за границей, а также заключением конвенций и перемирий [7, с. 11]. Но после начала войны стало очевидно, что один сотрудник физически не может выполнять весь перечисленный объем работы. Поэтому Верховный главнокомандующий, которым стал великий князь Николай Николаевич, упразднил должность дипломатического чиновника и своим приказом образовал вместо нее новое подразделение. В состав последнего вошли директор, вице-директор, старший и младший секретари, юрисконсульт, двое писарей и трое обозных рядовых [8].

Цель статьи — установить, какие вопросы находились в фокусе внимания сотрудников

Автор:

Синковец Антон Юрьевич — научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, e-mail: ssw@mail.ru
Институт истории Национальной академии наук Беларуси. Адрес: 1, ул. Академическая, Минск, 220072, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sinkavets Anton — researcher at the Centre for General History, International Relations and Geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, e-mail: ssw@mail.ru
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 1, Akademicheskaya str., Minsk, 220072, BELARUS

дипломатической канцелярии Ставки Верховного главнокомандующего в период Первой мировой войны.

Отметим, что отдельное исследование данного структурного подразделения СВГ до настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии не проводилось. Это связано с тем, что истории российской главной квартиры периода Первой мировой войны в целом посвящено крайне мало публикаций. Наиболее крупные из них подготовлены отечественными авторами, однако носят публицистический [6] либо научно-популярный характер [15]. Среди белорусских ученых, которые занимались вопросами Ставки Верховного главнокомандующего, следует упомянуть Д. С. Лавриновича [3; 4], среди зарубежных — Е. М. Болтунову [2], А. Ю. Лашкова [5], М. Ф. Флоринского [14].

В 1928 г. в журнале «Красный архив» была опубликована переписка руководства дипломатической канцелярии Ставки с российским Министерством иностранных дел (МИД) [9—13]. Ее информативность заведомо выше, чем, например, многих мемуаров и воспоминаний, ведь, по сути, это полноценный дипломатический «дневник». Исходящие бумаги, составляющие основу этого «дневника», как правило, готовились директором канцелярии и направлялись непосредственно министру иностранных дел. Так продолжалось до тех пор, пока российский МИД возглавлял С. Д. Сазонов. После его отставки письма из Ставки в основном адресовались товарищу министра А. А. Нератову. Корреспонденция канцелярии носила весьма доверительный и конфиденциальный характер, будучи призвана сфокусировать внимание главы дипломатического ведомства на наиболее острых вопросах, в решении которых было заинтересовано военное руководство страны. Кроме того, ей был присущ описательно-осведомительный характер: информирование российского МИДа практически обо всем, что происходило в Ставке.

Первым директором дипломатической канцелярии СВГ стал князь Николай Александрович Кудашев — опытный и вдумчивый чиновник, обладавший весьма проницательным умом и обширными познаниями. Страницы его писем содержат не только официальные донесения, но и глубокую аналитику, сочетающуюся с личными впечатлениями относительно происходивших в Ставке событий. Заместителем Н. А. Кудашева был назначен его тезка — Николай Александрович Базили. После того как князя Н. А. Кудашева в 1916 г. направили посланником в Китай, Н. А. Базили возглавил дипломатическую канцелярию. Его письма являются столь же информативными, как и письма Н. А. Кудашева, но по стилю изложения носят более сдержанный характер.

В 2023 г. была опубликована русскоязычная версия воспоминаний Н. А. Базили, которая среди прочего содержит в приложении черно-

вики и копии его писем в МИД из Ставки, хранящихся в Гуверовском институте войны, революции и мира Стэнфордского университета (США). Указанное издание, безусловно, дополняет публикации журнала «Красный архив», но концептуально никак их не обогащает, так как вводит в научный оборот минимальное количество документов Ставки [1].

Отметим, что переписка дипломатической канцелярии Ставки с МИДом является весьма обширной и затрагивает самые разнообразные проблемы, которые условно можно разделить на два блока: 1) описание событий, происходивших в Барановичах и Могилеве, где в период Первой мировой войны дислоцировалась главная квартира; 2) обсуждение, разъяснение и согласование внешнеполитических вопросов.

В первом блоке любопытным представляется описание Н. А. Кудашевым **деятельности Ставки в Барановичах (август 1914 — август 1915 гг.)**: «Здесь живет недурно. Чувствую себя молодым юнкером, отбывающим военную повинность. Дела не так уж и много, но интересное, а отношения с офицерами прекрасные» [10, с. 3] (орфография и пунктуация источника сохранены. — А. С.).

Впрочем «прекрасные отношения» не мешали князю Н. А. Кудашеву достаточно быстро и беспристрастно разобраться в истинном состоянии дел в военном руководстве. Уже в начале сентября 1914 г. он докладывал в МИД «о редкой впечатлительности» высших военных властей [10, с. 7] и всецело поддерживал решение Верховного главнокомандующего, запрещавшее допускать в штабы журналистов, мотивируя это тем, что офицеры Ставки «так впечатлительны и так мало скрывают свои чувства (хотя соблюдают большую осторожность о фактах), что корреспонденты могли бы выводить часто нежелательные заключения из своих наблюдений» [10, с. 9]. «Если уста молчат, то над выражением своих лиц наши генералы не властны», — резюмировал директор дипломатической канцелярии [10, с. 15].

К концу осени 1914 г. Н. А. Кудашев утратил иллюзии относительно уровня профессиональной компетенции высших военных чинов, руководивших барановичской Ставкой. В своих донесениях за этот период он отмечал отсутствие какого-либо стратегического планирования с их стороны [10, с. 20] и достаточно дерзко заявлял: «Германцы достигли крушения нашего плана наступления на их территорию благодаря превосходству их стратегов» [10, с. 27]. Директор дипломатической канцелярии полагал, что если России и удастся «вывернуться» из сложившегося положения, то «только благодаря численности и стойкости наших войск, а не мудрости нашей стратегии» [10, с. 25]. Свои наблюдения Н. А. Кудашев обобщил дальновидным выводом о том, что «надо готовиться к длительной войне, т. к. мы не талантами можем победить, а лишь упорством» [10, с. 27].

Зимой 1914/1915 гг. главный дипломат Ставки вновь вернулся к теме отсутствия военных талантов среди русского генералитета. «Я убежден в том, что наши генералы — прекрасные знатоки дела, — писал он, — прекрасные, умные, добросовестные люди, но творческой искры в них нет» [10, с. 28]. Соотнося тяжелое положение дел на фронтах с попыткой объяснить это недостатком патронов и ружей, Н. А. Кудашев приходит к заключению о том, что «тут вина не в заводах, а в стратегии или тактике», высказывая убежденность в необходимости замены высших военных начальников, у которых «нервы измочалились от слишком упорной и продолжительной работы» [10, с. 29]. Во время зимнего отступления российских войск из Восточной Пруссии князь недоумевал и писал в МИД, что решительно не понимает, чем объяснить «такое неумение у нас предвидеть события» [11, с. 3].

При этом с критикуемыми им военачальниками руководитель дипломатической канцелярии старался выстраивать конструктивные взаимоотношения. В частности, он достаточно быстро разобрался в конфигурации власти в барановичской Ставке и понял, насколько ревниво начальник Штаба генерал Н. Н. Янушкевич относится к своему положению и старается блокировать любые попытки других лиц напрямую общаться с Верховным главнокомандующим. Н. А. Кудашев принял его условия игры и «стал к нему в отношении подчиненного к начальнику» с целью «получить какое-нибудь влияние на ход того или другого дела» [10, с. 11–12].

Примечательно, что не только военные находились под наблюдением дипломатов, но и наоборот, свидетельством чему является инцидент, произошедший весной 1915 г. с юрисконсультлом дипломатической канцелярии профессором В. Э. Грабарем. Письма последнего, в которых он сетовал на допущенные российскими войсками нарушения международного права, были перлюстрированы. В итоге профессора отчислили из СВГ. Единственное, чего удалось добиться Н. А. Кудашеву, — разрешения В. Э. Грабарю вместо скандала подать «рапорт о болезни» [11, с. 15].

Определенную напряженность в размеренную жизнь Ставки вносили визиты императора. Во время первого приезда Николая II осенью 1914 г. у Н. А. Кудашева сложилось впечатление, что великий князь Николай Николаевич «удерживает государя» в Барановичах [10, с. 13]. Это было не так далеко от истины, учитывая определенную конфронтацию, которая имела место в начальный период войны между СВГ, правительством и императрицей Александрой Федоровной. Старшие чины российской главной квартиры были вынуждены отвлекаться от своих дел на завтраки и обеды с царем, начальника Штаба и вовсе «разрывали на части» [10, с. 24]. Ради удовольствия Ни-

колая II генералы преувеличивали значение своих побед [10, с. 13–14], причем для барановичской Ставки это было достаточно частым явлением [10, с. 16]. Еще одной негативной тенденцией было стремление служащих Ставки к получению наград во время приезда императора. Так, по случаю этого «радостного для штаба события» в нарушение правил к награде был представлен секретарь дипломатической канцелярии С. П. Валуев, не прослуживший необходимого срока [10, с. 19].

Летом 1915 г. настроение писем Н. А. Кудашева стало еще более пессимистическим. По его словам, в этот период уже сами руководители Ставки, в частности генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, говорили, что «стратегия может быть теперь совсем упразднена, так как мы ничего предпринимать не можем», а надеется остаться только «на утомление самих германцев, на случай и — на св. Николая чудотворца» [11, с. 28]. По мнению директора дипломатической канцелярии, в это время война начала приобретать характер «отечественной» [11, с. 35], а начальник Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич замечал относительно военного положения России, что «придется испить чашу до дна» [11, с. 36].

При таких обстоятельствах в Ставке озадачили общественным мнением, указывая на то, что информирование общественности, особенно за границей, не организовано, а иностранная пресса поступает в главную квартиру «неравномерно и случайно» [11, с. 40]. Положение дел на фронтах было настолько тяжелым, что в СВГ всерьез задумались о возможности мирных переговоров. Во всяком случае из дипломатической канцелярии в МИД ушло несколько писем, в которых обращалось внимание на статью в шведской газете о мирных течениях в Германии [11, с. 40].

Следствием широкомасштабного отступления российской армии летом 1915 г. стало **перевыбазирование Ставки Верховного главнокомандующего в Могилев**. Ее дипломатическая канцелярия прибыла туда 12 августа 1915 г. (здесь и далее — по старому стилю). Князь Н. А. Кудашев отметил, что переезд был организован довольно странно и свидетельствовал о «полном отсутствии организаторских способностей тех органов военного ведомства, коим поручена административная часть дела» [11, с. 47]. Непродуманность переезда состояла в том, что Верховный главнокомандующий и «стратегическая» (генерал-квартирмейстерская) часть его Штаба выехали первыми, оставив всех остальных в Барановичах, а логичнее было бы поступить наоборот — направить второстепенные подразделения для подготовки нового места дислокации. Произшедшую «сумятицу» начальник дипломатической канцелярии объяснял «упадком духа» генералов, которые, в свою очередь, начали говорить о деморализации войск: «В общем итоге, все

мои впечатления от новой ставки как нельзя более мрачны», — сообщил Н. А. Кудашев [11, с. 50].

После перебазирования Ставки в Могилев началось реформирование ее работы. Переходный период, который Н. А. Кудашев охарактеризовал как «штабной кризис», сопровождался апатией со стороны руководства главной квартиры, которое находилось в ожидании скорых перемен. Начальник Штаба генерал Н. Н. Янушкевич, ранее сутками просиживавший за бумагами, теперь открыто говорил, что у него нет дела, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Данилов иногда часами отсутствовал в своем управлении. Из высшего руководства СВГ только великий князь Николай Николаевич сохранил полное самообладание [11, с. 51, 53].

Вечером 20 августа 1915 г. в Могилев прибыл генерал М. В. Алексеев, который в тот же день принял должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Н. А. Кудашев отметил, что по манерам — «это прямой контраст с Янушкевичем, но нельзя его упрекнуть в недостатке любезности и корректности», в главной квартире относительно его приезда иронизировали: «сдал все до единой наши крепости и приехал в ставку» [11, с. 52]. Позднее, 23 августа 1915 г., должность Верховного главнокомандующего занял император Николай II. Острый ум главы дипломатической канцелярии Ставки и здесь проявил свои аналитические способности в предвидении будущего: «Насколько мне дано судить об этом событии, оно будет иметь громадное отрицательное значение и результаты», — подвел своеобразную черту Н. А. Кудашев [11, с. 53]. 25 августа 1915 г. великий князь Николай Николаевич уехал из Ставки, оставив ее «в полном унынии» [11, с. 55].

В скором времени положение дел в главной квартире выправились, чему, безусловно, способствовало поведение М. В. Алексеева: он был крайне прост и прямолинеен в общении, чем быстро заслужил всеобщее уважение. «Я должен засвидетельствовать редкую ясность мышления у нового начальника штаба и отрядную ширину взглядов, облегчающую решение мелких вопросов, по которым мне приходится к нему обращаться», — так Н. А. Кудашев характеризовал М. В. Алексеева спустя полтора месяца совместной работы [12, с. 12], добавив позднее, что пока фактическое верховное командование остается в руках этого генерала, «никаких неосторожных приключений, могущих отразиться на наших международных отношениях, опасаться нам не приходится» [12, с. 17]. Такую же высокую оценку давал М. В. Алексееву новый директор дипломатической канцелярии Н. А. Базили, отмечавший, что всякое разумное начинание встретит со стороны генерала самую решительную поддержку. При этом ближайшие помощники нового начальника Штаба характеризовались в

дипломатической переписке как лица «очень посредственные и лишенные всякой инициативы» [12, с. 43].

Напряженная работа сказалась на здоровье М. В. Алексеева, и в ноябре 1916 г. по медицинским соображениям он был вынужден покинуть свой пост. Временно исполнять его обязанности был назначен генерал В. И. Гурко. В дипломатической канцелярии отметили, что последний «не может быть признан столь же вдумчивым», как М. В. Алексеев, но, по видимому, «в высокой степени волевой тип» [13, с. 43]. Этому мнению дипломаты придерживались о нем и далее [13, с. 46].

Революционные события и последовавшие вслед за ними изменения в Ставке дипломатической переписка, к сожалению, не описывает. Письма в 1917 г. становятся все более редкими и краткими, составляются сухим канцелярским языком и в основном сопровождают копии каких-либо документов. Это является закономерным итогом колоссальных общественных потрясений, разорвавших ранее сложившиеся служебные коммуникации.

Второй блок проблем, которые затрагивала переписка Ставки с МИДом, касался координации внешнеполитической деятельности. Для удобства изложения эти проблемы можно разделить на ряд тематических вопросов.

Одним из первых дипломатам пришлось разрешать «польский вопрос», который трактовался ими в узком и широком смысле.

Под узким смыслом понималась необходимость реагирования на предложения польской стороны оказать России военную и материальную помощь. В данном контексте «польский вопрос» подробно рассматривался Н. А. Кудашевым в письмах от 27 августа и 5 сентября 1914 г. Речь шла о том, что отдельные представители польского общества заверяли Ставку, что могут организовать, вооружить и предоставить в распоряжение верховного главнокомандования порядка 500 тыс. военнослужащих. Взамен они просили об объединении Польши после окончания войны [10, с. 6]. Рассмотрев данное предложение, в главной квартире решили его принять, но при условии, что формированию польской армии «будет придан характер ополчения». Другими словами, по политическим мотивам в Ставке не захотели, чтобы польские подразделения получили статус полноценных воинских формирований. Кроме того, возможность выполнения поляками своих обещаний вызывала объективные сомнения. Здесь свою прозорливость проявил Н. А. Кудашев. Не разделяя доверия к ничем не подкрепленным обещаниям, он порекомендовал начальнику Штаба сначала убедиться в том, что заявленная помощь действительно последует [10, с. 7]. Время подтвердило его правоту: спустя неделю дипломат докладывал в МИД, что о поляках и их предложениях «за последнее время не слышно» [10, с. 9].

«Польский вопрос» в широком смысле предусматривал поиск наиболее эффективной формы политического устройства Польши после окончания войны. В переписке дипломатической канцелярии Ставки этому аспекту уделено крайне мало внимания, очевидно, в силу желания Штаба заниматься по большей части военными делами. Такой подход оказался весьма прагматичным. Как известно, летом 1915 г. российские войска покинули Варшаву и дальше обсуждать было попросту нечего. Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич прокомментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Заявление И. Л. Горемыкина об автономии Польши было сделано очень своевременно (в январе 1915 г. на частном совещании думской комиссии по обороне председатель Совета министров Российской империи пообещал, что проект автономии Польши будет внесен в Думу. — А. С.). Теперь пусть поляки выбирают между нами и немцами. Если выяснится, что они предпочитают последних, то это избавит нас от всех наших обещаний им» [11, с. 44].

Весной 1916 г. в Ставке вернулись к рассмотрению «польского вопроса». Начальник Штаба генерал М. В. Алексеев считал потенциальной угрозой использование польского населения противником и сожалел, что ранее Ставкой не были организованы польские легионы. Он высказывался за объединение Польши и предоставление ей в будущем широкой автономии, попросив министра иностранных дел выработать на этот счет соответствующий план [12, с. 42—43]. В дальнейшем М. В. Алексеев планировал провести свое решение «польского вопроса» через Совет министров, хотя и понимал, что это дело «безнадежное» [12, с. 48].

«Болгарский вопрос» также нашел отражение в рассматриваемой переписке. В Штабе Верховного главнокомандующего внимательно следили за переговорами относительно вступления Болгарии в войну. 20 мая 1915 г. Н. А. Кудашев докладывал начальнику Штаба, что посланники стран Антанты в Софии предложили Болгарии значительные территориальные компенсации за ее выступление против Турции. Генерал Н. Н. Янушкевич, очевидно, был сторонником такого плана действий, так как отметил, что «если только Болгария выступила бы, то наш десантный корпус, конечно, был бы готов присоединиться к болгарским войскам» [11, с. 27]. Несколько месяцев в Ставке надеялись на положительный исход дела, но 10 сентября 1915 г. в Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация и ее войска сконцентрировались у сербской границы. Россия высказалась за решительные действия в отношении Болгарии, но союзники ее в этом не поддержали. 16 сентября 1915 г. в Ставку поступила телеграмма А. А. Нератова, в которой сообщалось,

что министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй уклоняется от предъявления Болгарии ультиматума. Содержание этой телеграммы было доложено Верховному главнокомандующему императору Николаю II. Российский монарх выразил свое «неудовольствие и удивление» по поводу такой «необычайной осторожности» английского министра. В этом его поддержал генерал М. В. Алексеев, который опасался разгрома Сербии. При этом начальник Штаба не отрицал, что если дела на европейских фронтах пойдут для Антанты успешно, то «решение Грэя окажется наиболее мудрым и предотвратит излишнюю сербо-болгарскую войну» [12, с. 6].

После выступления Болгарии на стороне противников России в Ставке задумались, каким образом повернуть события вспять. Самое неординарное предложение российского генералитета сводилось к проведению в Болгарии государственного переворота. При содействии болгарских государственных деятелей предполагалось низложить болгарского царя Фердинанда. Начальник Штаба запросил мнение российского министра иностранных дел относительно такого плана действий, пообещав со своей стороны «взять на себя дальнейшее направление дела». С. Д. Сазонов выразил «значительные опасения», но не счел нужным «противиться осуществлению предложений генерала Алексеева». При детальном рассмотрении вопроса выяснилось, что у России в Болгарии крайне мало сторонников и устранение Фердинанда является бессмысленным до того времени, пока не будет создана более благоприятная обстановка. Поэтому М. В. Алексеев санкционировал «осторожное зондирование почвы» и выяснение, возможно ли подготовить негласным путем привлечение на сторону России некоторых болгарских деятелей [12, с. 44].

В дальнейшем начальник Штаба не единожды возвращался к «болгарскому вопросу», отмечая «желательность привлечения болгар на сторону союзников». В конце лета 1916 г. между ним и МИДом состоялся очередной обмен мнениями по этому поводу. Позиция дипломатического корпуса сводилась к тому, что если Болгарии не будет нанесен серьезный удар или коренным образом не изменится обстановка на фронтах, то оснований рассчитывать на внутренний переворот в этой стране по-прежнему нет, а добиться ее перехода на сторону Антанты можно только ценой значительных политических уступок со стороны России. Генерал М. В. Алексеев ответил на это, что военные соображения еще «не могут быть признаны настолько настоятельными», чтобы заключать соглашение на невыгодных условиях [13, с. 3].

Разрешить «болгарский вопрос» дипломатическим путем так и не удалось, поэтому осенью 1916 г. на конференции в Шантильи

союзники по Антанте решили провести в начале мая 1917 г. согласованные боевые действия против Болгарии с целью вывести ее из состава участников войны. 17 декабря 1916 г. в Ставке состоялся военный совет, определивший основные направления подготовки этой операции [9, с. 5—6].

Красной нитью через всю переписку дипломатической канцелярии СВГ и МИДа на протяжении первых военных лет проходил «*румунский вопрос*». Примечательно, что позиция верховного главнокомандования по его решению отличалась своей непоследовательностью и не раз менялась в зависимости от положения на фронтах.

Так, если в середине сентября 1914 г. Н. А. Кудашев докладывал, что Штаб «очень озабочен нейтралитетом Румынии и страстно желает втянуть ее в войну» [10, с. 10], то в январе 1915 г. он же докладывал министру иностранных дел, что Верховный главнокомандующий считает, что выступление Румынии (и Италии) «может оказаться для нас даже невыгодным» [10, с. 39]. После того, как стало известно, что Италия все же выступит на стороне Антанты, Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич начал высказывать еще более резкие суждения, указывая на «чрезмерность и неприемлемость» румынских требований [15, с. 14]. Аналогичной позиции в мае 1915 г. придерживался также император Николай II [11, с. 24].

Здесь опять проявились прагматизм и аналитический склад ума директора дипломатической канцелярии. В то самое время, когда стало известно, что против дальнейших уступок румынам выступил сам государь, Н. А. Кудашев предусмотрительно сделал в своем письме в российский МИД оговорку: «Если будет что-нибудь из Румынии, сообщите. Завтра барометр будет, может быть, ниже, и тогда опять будут мечтать о скором выступлении Румынии» [11, с. 24]. Не прошло и месяца, как предположения чиновника оправдались. После военных неудач в Галиции Верховный главнокомандующий направил министру иностранных дел телеграмму, где сообщал, что «выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным» [11, с. 29]. Впрочем спустя месяц последовал очередной пересмотр этого вопроса [11, с. 36] — такие колебания курса продолжались вплоть до вступления Румынии в войну на стороне Антанты, которое в итоге принесло больше вреда, чем пользы. Военная подготовка Румынии оказалась настолько плохой, что уже к концу лета 1916 г. в СВГ задумались «наложить руку на управление» румынской армией [13, с. 9]. С этой целью в Румынию была направлена военная миссия во главе с генералом М. А. Беляевым [13, с. 25]. Произшедший к концу осени 1916 г. разгром румынской армии вынудил Ставку сформиро-

вать Румынский фронт, которым формально командовал румынский король Фердинанд, а фактически — русский генерал В. В. Сахаров (в 1917 г. его сменил генерал Д. Г. Щербачев. — А. С.) [13, с. 46].

Для «*итальянского вопроса*» в начале войны была характерна такая же неопределенность. С одной стороны, выражались сомнения в целесообразности вступления Италии в войну, с другой — ради этого Ставка была готова идти на любые уступки. Примером может служить то, с какой скоростью она изменила свое мнение по вопросу о разграничении Далматинского побережья, пойдя навстречу притязаниям Италии и пожертвовав сербскими интересами [11, с. 9—10].

14 апреля 1915 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов сообщил, что в Лондоне подписано соглашение с Италией, но по настоянию итальянского правительства оно должно храниться в тайне. В этом же месяце в Ставку прибыл итальянский военный агент полковник Е. Ропполо, с которым сразу же начались переговоры. Н. А. Кудашев отмечал в своих донесениях, что «Ропполо по-видимому смущен количеством обращенных к нему вопросов, на которые он ответить не может и по которым ему пришлось в тот же день запросить Рим» [11, с. 14]. В ответ на его запрос пришло сообщение, что не все его телеграммы были разобраны. Как результат — переговоры затягивались. Но спустя несколько дней военная конвенция все же была подписана. При этом Е. Ропполо «всех поразил своей нервностью и озабоченностью» [11, с. 19], что объяснялось начавшимся отступлением российских войск, не входившим в планы Италии, которая хотела вступить в войну на более выгодных условиях. В дальнейшем союз с Италией, как и в случае с Румынией, не принес заметной выгоды, вызывая в Ставке лишь раздражение относительно слабости итальянских войск и не всегда уместных требований о поддержке [12, с. 51].

Соглашение с Италией негативно сказалось на *взаимоотношениях Ставки с Сербией*. Королевич Александр направил письмо великому князю Николаю Николаевичу, в котором прямо указал на то, что «интересы славян, во имя которых началась эта война, принесены в жертву Италии, как плата за вступление ее в войну» [15, с. 16]. Верховный главнокомандующий ответил весьма лаконично, сославшись на то, что данный вопрос «вне его компетенции» [11, с. 21].

Относительно *взаимоотношений Ставки с другими союзниками по Антанте* можно сделать вполне однозначный вывод об отсутствии согласованности военных действий. Поведение некоторых стран блока иначе как потребительское охарактеризовать сложно. Так, в октябре 1914 г. в СВГ были недовольны приказом императора Николая II о посылке казаков в Англию. В условиях, когда российским

войскам «каждая сотня казаков и, вообще, каждый кавалерист дорог и необходим», англичане просили направить 6-сотенный казачий полк, чтобы у себя в стране «подбодрить дело набора добровольцев» [10, с. 21]. При этом, когда летом 1915 г. речь зашла о помощи в поставке снарядов, англичане помогать не спешили и навязали Ставке невыгодную сделку [11, с. 34]. Таким же образом вели себя французы, которые в декабре 1915 г. предложили Ставке обменять французские ружья на русских солдат, на что генерал М. В. Алексеев, разумеется, не согласился [12, с. 18]. Однако французы продолжили настаивать и весной 1916 г. добились от Ставки согласия отправить на их фронт семь российских бригад, хотя сами при этом отказали в помощи артиллерийским снабжением [12, с. 49–50]. Единственное, чем союзники «помогали» Штабу Верховного главнокомандующего на регулярной основе — своими «непрошенными советами» в связи с военными операциями [13, с. 14], которые М. В. Алексеев порекомендовал им применять на собственном фронте [13, с. 38].

Особое место в переписке дипломатической канцелярии занимал *вопрос о проливах и взаимоотношениях с Турцией*. В нем Ставка, без преувеличения, видела ключ к решению многих проблем. Квинтэссенция взглядов генералов на этот вопрос изложена Н. А. Кудашевым в письме от 5 февраля 1916 г., которое было написано после взятия российскими войсками Эрзерума. Директор дипломатической канцелярии отмечал, что «если бы было признано выгодным заключить мир с турками, то надо иметь в виду, что такой благоприятный момент

снова не скоро представится». Главной целью войны указывалась победа над Германией и для ее достижения предполагалось возможным пойти на определенные жертвы, в частности отказаться на новый срок от завладения проливами Босфор и Дарданеллы [12, с. 30]. В 1917 г. МИД пытался поставить на повестку дня захват Босфора, но генерал М. В. Алексеев вновь повторил, что к этой идее можно будет вернуться только после поражения Германии [9, с. 20]. Следует заметить, что идею Босфорской операции всячески продвигал служивший в Ставке А. Д. Бубнов, о «вспышках воображения» которого еще в 1915 г. писал Н. А. Кудашев [12, с. 12]. Однако эта идея так и осталась нереализованной, поэтому весной 1917 г. дипломаты вновь заговорили о необходимости сепаратного мира с Турцией [9, с. 42].

Таким образом, наличие дипломатической канцелярии в Штабе Верховного главнокомандующего позволяло Ставке достаточно оперативно коммуницировать и координировать свои действия с российским МИДом по основным внешнеполитическим вопросам. Сотрудники канцелярии были хорошо подготовлены к своей работе, отличались аналитическим складом ума и наблюдательностью, что делает их письма ценнейшим источником не только по истории дипломатии и международных отношений периода Первой мировой войны, но и по истории военного строительства. Анализ их писем позволяет осветить положение дел в Ставке, а также понять истинную подоплеку и механизмы принятия многих внешнеполитических решений России во взаимоотношениях как с союзниками, так и с противниками.

Список использованных источников

1. Базили, Н. А. Воспоминания дипломата Императорской России. 1903–1917 / Н. А. Базили. — М.: АЙРИС-пресс, 2023. — 384 с.
2. Болтунова, Е. М. Ставка Николая II в Могилеве и память о ней в советское и постсоветское время / Е. М. Болтунова // Воен.-ист. журн. — 2016. — № 10. — С. 49–55.
3. Лавринович, Д. С. Николай II в Могилевской ставке (август 1915 — март 1917 г.) / Д. С. Лавринович // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. — 2018. — № 4. — С. 90–97.
4. Лавринович, Д. С. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 — марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников событий / Д. С. Лавринович // Первая мировая война, Версальская система и современность / отв. ред. И. Н. Новикова [и др.]. — СПб.: РХГА, 2017. — Вып. 4. — С. 133–146.
5. Лашков, А. Ю. Организация ПВО Ставки Верховного Главнокомандующего / А. Ю. Лашков // Воен.-ист. журн. — 2009. — № 11. — С. 10–13.
6. Лелевич, Г. Октябрь в Ставке / Г. Лелевич. — Гомель: Гомел. рабочий, 1922. — 94 с.
7. Положение о полевом управлении войск в военное время. — СПб.: Воен. тип., 1914. — 154 с.
8. Приказ Верховного Главнокомандующего № 2 от 25 июля 1914 г. // Рос. гос. воен.-ист. архив. — Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
9. Ставка и Министерство иностранных дел. Окончание // Красный архив. — 1928. — Т. 5 (30). — С. 5–45.
10. Ставка и Министерство иностранных дел / предисл. М. Покровского // Красный архив. — 1928. — Т. 1 (26). — С. III–VIII, 1–50.
11. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 2 (27). — С. 3–57.
12. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 3 (28). — С. 3–58.
13. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 4 (29). — С. 1–53.
14. Флоринский, М. Ф. Ставка Верховного главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 — апрель 1915 г.) / М. Ф. Флоринский // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. — 1994. — Вып. 1 (№ 2). — С. 3–12.
15. Шарков, А. В. Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны в событиях и лицах / А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. — Минск: Звезда, 2017. — 256 с.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2023 г.